

Б Е С Ъ Д А

о физических и нравственных страданіяхъ, которыя русскіе воины великодушно переносили во время девятимѣсячной осады Портъ-Артура.

(Воспомявія священника, прожившаго все время осады въ Портъ-Артуръ).

Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ. (Галат. 6, ст. 2).

Послѣ девятимѣсячной отрѣзанности Портъ-Артура отъ всего міра, послѣ невзгодъ, лишеній, страданій—душевныхъ и тѣлесныхъ, кабія выпали на долю защитниковъ этой крѣпости, мы, коимъ Богъ судилъ остаться въ живыхъ, съ болью сердца покинули эти высокія, каменистыя, лишенныя всякой растительности, горы. но когда оставляли, то для всѣхъ насъ и разрушенный городъ, и бухта съ разбитыми, потопленными кораблями, и эти непривѣтливныя горы, обогранныя кровью десятковъ тысячъ людей, и братскія могилы на позиціяхъ съ бранными остатками героевъ-мучениковъ—были настолько намъ близки и дороги, что у всѣхъ сердце сжималось отъ боли и глаза оросились слезой. Намъ было тяжело оставлять все это, потому что много труда положили тамъ наши воины, много горькаго пережато, много крови пролито на этихъ горахъ. Чувство, съ какимъ уходили мы, подобно было тому, которое испытываетъ мать, когда удаляется отъ могилы, гдѣ только что засыпали землей ея родное дитя.

Я хочу дать краткое описаніе того, что было въ Артурѣ; какъ очевидно, я постараюсь провести параллель между жизнью здѣсь, въ Россіи, и жизнью въ многострадальномъ Артурѣ.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ храмахъ русскихъ, собираетесь вы для общей молитвы. Вы молитесь, душевно бесѣдуете съ Богомъ, вамъ никто не мѣшаетъ. Тамъ же священники устраивали церковь или на позиціи — у лафета, или въ ущельѣ среди горъ, въ рѣдкомъ случаѣ въ баракаѣ или въ домикаѣ. Простъ былъ нашъ храмъ по своему устройству — походный престолъ, а передъ нимъ установленная на камняхъ полковая икона, — вотъ, и весь храмъ; куполомъ было голубое небо, а лучезарное солнце замѣняло намъ свѣчи. Въ лѣтнее время, когда нашъ врагъ былъ еще сравнительно далеко, бывали минуты затишья. Къ богослуженію воины собирались большими частями; все съ любовью принимали участіе въ общемъ хоровомъ пѣніи. Звуки церковныхъ пѣснопѣній далеко разливались по холмамъ, а оттуда отвѣчало намъ эхо десятками голосовъ. Въ послѣдніе же 2—3 мѣсяца непріятель подходилъ все ближе и ближе, кольцо осады становилось меньше. Не было мѣста, которое находилось бы внѣ опасности, всюду шумѣли снаряды, принося окружающему смерть, увѣчья, страданія. Позиціи и прилегающія къ нимъ мѣста находились въ болѣе худшихъ условіяхъ, но и такая обстановка не мѣшала православному человѣку приходиться къ богослуженію, совершаемому также у позицій, — преклонять колѣна на каменистомъ грунтѣ и возносить свои глубоко-сердечныя молитвы. Въ приобщеніи Св. Тайнъ, въ молитвѣ русскій воинъ получалъ облегченіе своихъ страданій и силы для дальнѣйшей борьбы. Когда въ бой шли, православные воины всегда старались получить благословеніе священника; немѣющіе крестика просили благословить ихъ крестикомъ, просили молитвъ...¹⁾. А какъ были рады наши воины, когда священникъ пойдетъ по траншеямъ во время бомбардировки, чтобы дать возможность имъ и въ это время поцѣловать Св. Крестъ и окропиться св. водой; всюду и отъ всѣхъ слышался одинъ только возгласъ: «слава Тебѣ, Господи...»

¹⁾ 22-го ноября подъ Высокой горой рота пробѣгала рысью мимо меня, спѣша на помощь товарищамъ. Офицеръ, шедшій во главѣ, подошелъ подъ благословеніе, а за нимъ и вся рота. Чтобы удовлетворить этой душевной потребности и не задерживать ихъ, пришлось и самому бѣжать, на ходу благославляя ихъ, но благословить всехъ не удалось, потому что выстрѣлами непріятеля нѣсколько человѣкъ было ранено; необходимо было и причастить Св. Тайнъ и перевязать раны: въ этомъ мѣстѣ не оказалось ни санитаровъ, ни фельдшеровъ.

Здѣсь въ Россіи каждый имѣеть теплый уголокъ, а тамъ жилище — окопы, траншеи, въ которыхъ наши воины сидѣли безвыходно; грязно, тяжелая атмосфера, вѣтрено, холодно. Постель солдата таже холодная, сырая земля, но и на этой постелѣ ему не приходилось отдыхать спокойно; днемъ перестрѣлка, ночью—нужно опарывать все, что за день было разрушено снарядами непріятеля, а во время сильныхъ штурмовъ нечего было и думать объ отдыхѣ. Люди до того утомлялись, что нѣкоторые изъ нихъ во время боя засыпали.

При мирной обстановкѣ человѣкъ, какими бы ограниченными средствами ни располагалъ, всетаки найдетъ возможнымъ во время поѣсть здоровой пищи; тамъ же за послѣднее время люди могли утолять голодь или до разсвѣта или съ наступленіемъ темноты: обстрѣлъ непріятеля не давалъ возможности подвозить пищу къ позиціи. Пища—хлѣбъ изъ муки самаго крупнаго помола, рисъ и два раза въ недѣлю по $\frac{1}{4}$ фн. конины, мулятины, осятины, при полномъ отсутствіи какой бы то ни было зелени. Изнуренные, истощенные люди, безъ обуви, съ единственной парой бѣлья, которая буквально тлѣла на тѣлѣ, заболѣвали тифомъ, цингой; это, по истинѣ, были живые трупы.

При несчастныхъ случаяхъ здѣсь мы всегда имѣемъ возможность обратиться за медицинскою помощью и пользоваться уходомъ и покоемъ; тамъ же израненные, искалѣченные, пока доносили ихъ до перевязочнаго пункта, переносили ужасныя страданія, а чтобы получить настоящую помощь въ госпиталяхъ, куда ихъ и направляли, имъ приходилось нерѣдко дожидаться по 12 и больше часовъ; не было и не могло быть столько врачей, чтобы удовлетворять всѣхъ въ короткое время.

Послѣ раненія и всѣхъ страданій человѣкъ уже въ правѣ былъ рассчитывать на извѣстный покой, но врагъ, ожесточенный сильнымъ сопротивленіемъ, видимо, желалъ дѣйствовать на всѣхъ морально и поэтому сталъ разбивать госпитали 6-дм. и 11-дм. снарядами, о разрушительномъ дѣйствіи которыхъ могутъ знать только тѣ, кто былъ на театрѣ современной войны.

Искалѣченные воины въ однихъ халатахъ, въ одномъ бѣльѣ, въ туфляхъ, босикомъ выползали изъ госпиталя и растерянно жались къ первой стѣнѣ или забору, дрожа отъ страха и холода; время было уже зимнее. Тѣхъ же, которые при всемъ желаніи, не могли двинуться съ мѣста, опускали въ подвалы, разносили по другимъ госпиталямъ. Я былъ очевидцемъ,

какъ около 50 израненныхъ офицеровъ помѣстили въ тѣсномъ и сыромъ подвалѣ. Были здѣсь безъ рукъ, безъ ногъ, съ прострѣленной грудью, животомъ; всѣ лежали вплотную. Гніеніе ранъ, медикаменты, запахъ лампъ и т. п., все это, вмѣстѣ взятое, создавало весьма тяжелую атмосферу.

О тѣхъ, кто сложилъ свою голову на полѣ брани, кто сдѣлался жертвой пули врага или разрыва снаряда, я не буду говорить подробно, слишкомъ тяжела эта картина... Могу сказать одно, что къ браннымъ остаткамъ тѣла нашихъ героевъ воины-товарищи относились съ особымъ уваженіемъ. Были такіе дни, когда для уборки труповъ могли назначить не болѣе 3—4 человекъ (солдатъ) и, притомъ, немощныхъ, слабыхъ, только вышедшихъ изъ госпиталей; остальные были китайцы. И, не смотря на тотъ тяжелый трудъ, когда имъ приходилось сложить въ одну братскую могилу до 90 труповъ, они не позволяли китайцамъ помогать имъ въ этомъ, дѣлали сами, а китайцамъ предоставляли только рыть могилы и засыпать трупы. Трупы старались прикрыть изорванными, окровавленными шинелями съ этихъ же убитыхъ. Надъ могилой всегда старались поставить крестъ, сдѣланный изъ двухъ дощечекъ или связанный изъ двухъ палокъ; на крестѣ вѣшали крестикъ или икону, которую снимали съ одного изъ убитыхъ. Нерѣдко трупы убитыхъ собирали ночью, а потому случалось среди труповъ нашихъ воиновъ видѣть трупы японскихъ солдатъ и офицеровъ. Наши воины не оставляли ихъ безъ вниманія, они хоронили эти трупы въ отдѣльной могилѣ и надъ могилой ставили палку или клали 1—2 большихъ камня. Погребеніе совершалось во всякое время дня и ночи.

Вотъ, слушатели христіане, тѣ условія, при которыхъ жили и боролись защитники Артура. Мы забывали близкое, дорогое нашему сердцу—свои семьи, своихъ родныхъ, мы жили одними тяжелыми впечатлѣніями при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; для насъ поспать 3—4 часа съ увѣренностью, что завтра встанешь, да чѣмъ либо утолить голодъ своего бранныго тѣла—было счастье. И, не смотря на такія условія жизни, на такія страданія, не было ни ропота, ни недовольства, всѣ были проникнуты сознаніемъ долга—бороться и умирать. Русскій воинъ стоялъ, защищался до тѣхъ поръ, пока его уносили съ позиціи или раненымъ или мертвымъ, а умиралъ онъ по русски, по православному. Во время штурма Угловой горы одинъ стрѣлокъ съ перебитыми обѣими ногами, съ прострѣленной грудью, сохранилъ еще сознаніе на нѣсколько минутъ, во время которыхъ успѣлъ сказать: «исполнилъ все, что долженъ былъ исполнить по долгу, по при-

сягбъ, а теперъ, Господи, прости мои вольныя и невольныя прегрѣшенія». Въ другихъ мѣстахъ среди труповъ приходилось видѣть убитыхъ съ приподнятой правой рукой, пальцы которой были сложены для крестнаго знамени. Какъ великъ и могучъ русскій воинъ! Эту силу нашему воину дала его глубокая вѣра и безпредѣльная любовь къ своему отечеству, а этимъ всеѣмъ онъ обязанъ воспитанію матери-церкви. Если на Руси сохранились еще эти драгоцѣнныя качества, если живъ еще духъ славныхъ нашихъ предковъ времени Минина и Пожарскаго, 1812 г., Севастопольской обороны и 1877—78 гг., мы должны всеѣми силами стараться вразумить, объяснить, успокоить неспокойныхъ, недовольныхъ, соединиться воедино на помощь нашимъ борцамъ. Да, наконецъ, всеѣ обязаны это сдѣлать во имя тѣхъ страданій, какія несутъ наши защитники чести и достоинства Россіи на Дальнемъ Востоку. Врагъ силенъ количествомъ своей арміи и единеніемъ всего своего народа, но при всеѣмъ этомъ умѣетъ пользоваться трудными обстоятельствами своего противника, а потому всякія забастовки, остановки въ выработкѣ нужныхъ для войны матеріаловъ, остановка въ движеніи на востокъ войскъ, словомъ, отвлеченіе вниманія на внутренніе порядки—противнику нашему на руку. Нашимъ защитникамъ безпорно нужна помощь, но если они будутъ знать, что за ними готова пойти вся Русь, какъ одинъ человекъ, духъ ихъ укрѣпится, и они съумѣютъ постоять и сами. Одни трудятся на пользу и славу Россіи, другіе—тѣже сыны Россіи—нравственно обязаны помогать имъ во всеѣмъ, а тогда не будутъ страшны никакія силы вражескія. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.

Священникъ 5-го Вост.-Сиб. стрѣлк. полка Василій Слюнинъ.

